

ЖИВАЯ ВОДА

(Окончание. Начало в № 1-2).

К нам в город из Новосибирска приехал известный литератор. Он очень захотел увидеть древний город. Чтобы сделать ему приятное, пригласили в поездку и меня с традиционным баяном и авторскими песнями об Урале, Аркаиме. Мне в этот раз, как ни странно, ехать не хотелось. Необъяснимая тревога закралась в меня и заняла место всегдашнего восторженного ожидания встречи с удивительным местом. И не мудрено. В последнюю поездку на Аркаим в поле моего зрения стали попадаться несовместимые с ним, а порой и просто «дикие» здесь вещи. Сигаретные коробки, обертки конфет и жевательных резинок, пустые банки из-под напитков. Увенчали этот мусорный букет две свежие водочные бутылки. Мы медленно, но верно втискиваемся даже сюда со всей своей привычной грязью. Иначе не можем. А может и не умеем. Эти мысли подспудно беспокоили меня, вызывая тревогу и чувство личной вины. Но я согласился поехать, боясь отказом обидеть людей, которых очень уважаю.

Приехав и как обычно расположившись в нашем привычном месте на турбазе, мы вместе с гостем послушали интересные лекции и беседы, которые начались еще прямо в автобусе по пути следования. И, конечно, потрудились на славу. Сделали несколько клумб из привезенной земли, оформили их камнем и сразу же высадили цветы. Затем помогали археологам укладывать камни перед мостиком через Караганку. Наш гость остался доволен весенней им лепотой труда в общее дело благоустройства заповедника. И хотя по небу плыли кое-где синевато-свинцовые тучки и веяло влажной свежестью, мы небольшой группой с гостем отправились на раскоп древнего городища, захватив предусмотрительно несколько зонтиков так, на всякий случай. Среди нас была молодая мамаша с маленькой дочуркой, очень смешной своей взрослой серьезностью.

Путь был неблизкий и мы постепенно растянулись по дороге группами в три-четыре человека. Примерно на половине пути внезапно подул сильный ветер. Тучи будто сговорились и стали быстро двигаться со всех сторон неба в нашу сторону и, наконец, слились прямо у нас над головами в серо-синее-черное грозное облако. Ударил гром, и сразу же пошел сильный хлесткий дождь. Остановившись кто где, мы укрылись зонтиками, надеясь переждать непогоду. Понимаем, что «у природы нет плохой погоды...» Но ветер все крепчал. Резко, белесо стемнело. Дождь вдруг прорвался ливнем. Засверкали молнии, оглушительный гром будто рвал ткань неба. Мы побежали к центральной, ушедшей вперед группе, и соединились с ней, что несомненно и спасло нас в дальнейшем. Мужчины и молодежь оказались по внешнему кругу нашей, единой теперь группы. Женщина с девочкой была в относительной безопасности, в середине. Мы, кажется, были готовы к любой неожиданности, но не к той, которая ждала нас впереди. Резко повеяло холодом. Капли дождя незаметно отвердели и обрушились на нас сплошной лавиной града, все увеличивающегося в размерах. Своей обнаженной спиной я ощущал его удары и понимал, как несладко приходится другим. Мы стояли, плотно сомкнувшись к центру, руками придерживая зонтики от беснующихся порывов ветра. Хрустнул и вывернулся наизнанку один, дру-

гой. А град старательно обхаживал то одну, то другую сторону нашей круглой живой баррикады. Над нами стоял тревожно вибрирующий гул, усиливающийся от влетающих в него жалобных, рвущих сердце криков наших женщин, когда им доставалось особенно сильно. Вскоре мы стояли живым островком среди белого поля, усыпанного сплошным слоем града. А концы края выпавшему на нас испытанию не было видно. Какая-то сила словно магнитом стянула нас друг к другу. Выйти из образовавшегося круга или разорвать его было слыше человеческих возможностей.

Я стоял под ударами града от ветра, холода и волнения не в силах унять дрожь, стоял и вспоминал все свои душевные «проколы». Может это из-за меня так достается людям?! И я подумал: «Господи! накажи лучше меня, если я виноват, но не дай им погибнуть!» Рядом женщина с побелевшим лицом тихо шевелила губами, еле слышно творила молитву. Из середины группы кто-то выдохнул: «Прости, Господи!»

Я понял, что чувства, мысли и слова, схожие с моими, были у всех на устах. Может быть от этого, не знаю, но очень медленно, наметилось отступление от нас какой-то очень близко приблизившейся к нам явно осязаемой грани, черты, за которую мне и сейчас страшно даже мысленно заглянуть...

И вдруг буря стала стихать, терять силу, стена града рассеялась и наконец пропала, оставив напоминанием о себе колющий холодный дождь. Некоторое время мы, оглушенные, оцепеневшие стояли, боясь поверить в счастливое избавление, а точнее — спасение. Затем во весь опор устремились к турбазе, на ходу растирая и разминая наши одеревеневшие побитые тела. Моя спина, ощущавшая боль от ударов только в начале, сейчас начинала про нее вспоминать. А моя ладонь никак не хотела узнавать мою бугристую бедную голову. Как говорят в таких случаях — и грешно, и смешно!

Мы быстро приближались к лагерю. Закутанную девочку поперемечке несли два наших самых дюжих парня. Уже на подходе к лагерю одна молоденькая девушка громко глубокомысленно произнесла: «Это было испытание. Каждый получил столько, сколько заслужил!» И с этим все единодушно молчаливо согласились. Я — тоже. Ведь за время нашего стояния передо мной промелькнула вся моя переплывшая жизнь.

Палаточного нашего городка ураган коснулся только своим периферийным крылом. Мы попали, как я понял, в самое его пекло — эпицентр. Но зато прошедший здесь сильный ливень затопил несколько палаток, вымочив кое-что из одежды.

Мы еще долго возились у печки, обсушиваясь, молчаливые, задумчивые... Если бы нам пришлось в голову спастись бегством поодиночке, кто как может, мало бы вероятно кто уцелел. А если бы град пошел еще крупнее или затянулся бы надолго?... Не зря говорят, что ничего в нашем мире просто так не бывает. Особенно это относится к таким заповедным местам, как Аркаим.

Почему же для такой экзекуции он выбрал именно нас, магнитогорцев? За что, собственно? Ведь у археологов мы на очень хорошем счету за свое серьезное и бережное отношение к природе, за всегдашнюю чистоту и порядок, что не раз доказано делами и временами, за работу по благоустройству,

Наверное, беспокоясь за свое будущее, она старалась показать мне этим: «Смотри, человек, не сгуби меня, как свой Башик, слышишь, я — живая, и все здесь такое же живое! Не сгуби!»

... Написав очерк «Живая вода», я, по примеру настоящих писателей, положил «дозревать» его в стол. Непредвиденная поездка в Аркаим диаметрально изменила и меня, и мое к нему отношение. И я просто не смог не рассказать о том, что случилось с некоторыми из нас в этой поездке.

уборке территории заповедника. В чем же дело?

А может, раз мы такие «уменьшечки-благоразумные», больше других все понимаем, знаем и чувствуем, так и спрос с нас тоже по большому счету? Говорят ведь, что Бог любимое дитя свое бьет чаще и больнее?! Может, Отче-Аркаим дает нам, ждущим только радугу на небе в честь своего приезда, знать, что с ним и с нами не все в порядке?

Может это такой своеобразный сигнал — предупреждение нам — тем, которые его примут, поймут и передадут тревогу Аркаима другим? Может, это протест пытающегося защититься от нас, толпами снующих здесь, надо и не надо? Протест против горбушки хлеба, брошенной в самом центре предполагаемого святилища? Может, протест против окурков и огрызков яблок? Против белых наших балахонов шаманящих, медитирующих, гадающих, поющих и пляшущих здесь? Может, приносящих этими «шалостями» нестерпимую боль. Душе этого непознаваемого, незримого, но несомненно живого и разумного природного духовного организма?

Ведь недавно, в музее заповедника, археолог, проводивший лекцию, удрученно, с болью и горечью поведал нам, может с тайной надеждой на наше прозрение, что со времени открытия Аркаима для посещения он опустился, осел на двадцать сантиметров! Это и сме-

на микроклимата местности и, конечно, мы — его «любители»! Неужели Аркаим, спасенный с таким трудом нами, людьми, от гибели затопления, будет этими же людьми распят и затоплен намертво?! Неужели мы не дадим ему дожить до светлых времен, когда его сменил двойник-макет в натуральную величину?

Археологи, предвидя сокрушительные последствия такого нашего с ним общения, начинают уже возводить этот макет в стороне от единственного в своем роде природного памятника, ровесника египетских пирамид.

И я спросил себя: нужен ли ты очень уж в данное время Аркаиму, когда он, раненый, пытается самозалечиться?

Прошло время, но тревога не ушла. Случившееся не забывается. Какие средства защиты мы еще вынудим выбрать и применить, чтобы сохранить уставший от нас Аркаим? Что еще должно произойти с нами, живущими лишь хлебом и зрелищами непоправимого, не дай Бог, чтобы мы наконец задумались и остановились?!

И приходит на ум, укрепляясь, неожиданная мысль: Аркаим не принадлежит исключительно нам, людям. Это место необходимо всей Земле и играет предельно важную роль для нас в Космосе.

Аркаим просит нас: «Люди, пожалуйста, будьте осторожны! Будьте, пожалуйста, милосердны, Люди!»

А Швеция совсем рядом...

Сильнейшие юноши школы биатлона Физ «Магнит» АО ММК участвовали в Екатеринбург в двадцать первых Всероссийских соревнованиях памяти заслуженного тренера по биатлону А. В. Стрепетова.

Участников набралось свыше 130 человек. Итоги подводились по двум возрастным группам: 1979-82 годов рождения и 1980-81 годов рождения.

Особая «драчка», как и ожидалось, произошла между пятнадцатилетними юными биатлонистами. Им предстояло преодолеть первую гонку на 7,5 км с соответствующими огневыми рубежами. Почему именно к этой возрастной группе было приковано пристальное внимание и тренеров и болельщиков? Дело в том, что первых пять победителей возможно ждет путевка в Швецию, где с 7 по 12 февраля пройдут третьи зимние юношеские олимпийские игры. Да-да, здесь ошибки нет. Оказывается в международном спортивном календаре есть и такие интересные мероприятия. Поэтому стать олимпийцами мечтали все.

В этой престижной группе стартовал и наш Тимур Нумеев. Он очень даже неплохо прошел дистанцию и показал четвертый результат. Осталась самая малость: так же хорошо пробежать и отстрелять вторую дистанцию... Но старт на нее так и не был дан. Помешали сильные морозы. Второй этап пройдет там же в Екатеринбурге с 6 по 12 января.

Удачи тебе, Тимур! До Швеции уже рукой подать!

Ю. АЛЕКСЕЕВ.

Челябинцы «проголосовали» за Гомоляко и Кравцова

В канун Нового года областная молодежная газета «Команда», выходящая под эгидой «Челябинского рабочего», по традиции назвала лучших спортсменов области по итогам 1996 года. Главным критерием при определении сильнейших стало мнение читателей.

В десятку лучших спортсменов нашей области челябинские читатели включили и двух магнитогорских спортсменов. Пятое место по итогам опроса занял самый тяжеловесный форвард российской хоккейной лиги из нашего «Металлурга» Сергей Гомоляко, ставший в минувшем году вместе со своей командой финалистом Кубка МХЛ. На восьмой строчке читательского рейтинга оказался гребец-академик из объединения Физ «Магнит», участник летних Олимпийских игр в Атланте Игорь Кравцов.

В числе претендентов на звание лучшего спортсмена области были и другие магнитогорцы — хоккеисты Вадим Гловацкий и Алексей Степанов, молодой боксер Андрей Кутасев. Но пока им не хватило читательских голосов для того, чтобы войти в десятку сильнейших.

Коллектив домашнего цеха скорбят по поводу смерти ЕМЕЛЬЯНОВА Михаила Сергеевича и выражает соболезнование семье и близким покойного.
Коллектив ЗАО «Отиснор» скорбят по поводу смерти ДЕМИНОЙ Нины Нефедьевны и выражает соболезнование семье и близким покойной.
Коллектив локомотивного цеха ЖДТ АО ММК скорбят по поводу смерти ДОМОЧКИНА Петра Сидоровича и выражает соболезнование семье и близким покойного.
Коллектив ЦЭС выражает соболезнование САМОЙЛОВОЙ Н.Ф. по поводу смерти матери.
Коллектив кислородно-компрессорного производства скорбят по поводу смерти БУРДЕЛЕВОЙ Антонины Ильиничны и выражает соболезнование семье и близким покойной.
Коллектив кислородно-компрессорного производства скорбят по поводу смерти ветерана труда ФАЗЫЛОВА Вахита Хайрулловича и выражает соболезнование семье и близким покойного.